

Из истории обычного права Мордвы

Одна мордовская пословица гласит: «Народное слово – надежное слово». И, действительно, разве кто-то может поспорить с тысячелетним опытом народа? Неслучайно, даже самые современные явления общественной жизни берут истоки еще с древнейших времен, открывая мудрость и знания наших далеких предков.

Соблюдение справедливости мордва считала одним из основных гарантов мира и благополучия. Об этом ярко свидетельствуют многочисленные мордовские пословицы: «Где справедливость, там правда», «Победишь не силой, а правдой», «Правда дороже золота», «Сильнее всего правда», «Не живи кривдой, живи правдой». Правда и справедливость у мордвы сравниваются с солнцем, поскольку они подобно этому небесному светилу озаряют мир и несут ему жизнь. Так, в мордовских изречениях говорится: «Правда – светлое солнце», «Правда светлее солнца». Сравнение правосудия с солнцем не случайно и потому, что мордовский бог солнца Чи-паз или Ши-бавас ассоциировался с хранителем правосудия.

Древнейшим источником права, отчасти сохранившимся и поныне, является обычное право (*кой*). «...Земля появилась – обычай появился, без обычаев на земле не проживешь, без обычаев на земле жить не будешь. Вся жизнь людьми делается, все обычаи людьми устанавливаются, без обычаев на земле не проживешь, без обычаев на земле жить не будешь...», – рассказывается в мордовской песне. С помощью обычаев люди создавали семьи, разбирали конфликты, делили имущество, землю, наказывали виновных за совершение неправильных поступков. Первые упоминания о спорах и способах их разрешения сохранились в мордовском фольклоре.

Хранителем права был крестьянский мир, который представлял собой своеобразное мини-государство со своим порядками и обычаями. Основным институтом крестьянского правосудия был мирской сход (*м. туромкс*, *э. промкс*). На сходе рассматривались наиболее важные дела: межевание земли, нарушение условий договора, совершение проступков (убийство, воровство, разбой, грабеж, избиение, хулиганство, клевета и т.п.), а также исполнение возложенных государством на общину обязанностей, например, рекрутской повинности, выплаты обязательных платежей. Промкс представлял общину для защиты ее интересов перед государством, а во времена крепостничества – перед помещиком. Как правило, представителем от общины выбирался тот, кто лучше всех владел речью и мог отстоять свою позицию.

На сходе собирались все домохозяева села. Традиционно ими были старейшие мужчины. Решения обсуждались и принимались «голосом». При вынесении решения произносили, если считали, что обвиняемый виноват: «Чумо», то есть «виноват», если же приходили к выводу о его невинности:

«Аволь чумо» - «не виновен». В случае несогласия с принимаемым решением присутствовавшие на сходе поднимали руки. На руках у них обязательно должны были быть холщовые рукавицы, «махать голыми руками» считалось неприличным. Председателем на сходе обычно был старейший домохозяин. Он оповещал всех собравшихся о сущности дела, приглашал очевидцев, рассматривал доказательства, организовывал голосование, оглашал принятое решение и в целом наблюдал за порядком.

Мордовских стариков, умудренных жизненным опытом, у кого еще свежи в памяти наставления предков, называли сельскими старшинами (*м. велень оцютне*, *э. велень покитне*), сельскими стариками, дедами (*велень атятне*), сельскими судьями (*велень судият*). Сельские старшины пользовались глубоким уважением, к ним всегда обращались за помощью, поддержкой, мудрым советом. Почитание стариков и предков считалось одной из главных обязанностей человека. Высокий статус стариков в мордовской общине позволял им решать отдельные спорные ситуации узким кругом без привлечения всех домохозяев села. На собраниях старейшин рассматривались наиболее деликатные вопросы, огласка которых представлялась нежелательной и вредной для спорящих. К таковым относятся брачно-семейные конфликты, не разрешившиеся благополучно в рамках семьи. На собраниях старейшины также предлагали способы урегулирования значимых сельских проблем, которые в дальнейшем утверждались на мирском сходе.

Частные споры не доводилась до сведения схода и собрания старейшин и разрешались группой близ живущих крестьян, то есть судом соседей. Деятельность суда соседей (*шабров*) обуславливалась традицией солидарности. Соучастие в делах своего соседа в целях оказания помощи считалось долгом каждого человека. Так, домохозяин имел право срубить свисающие на его участке ветки дерева соседа. Не допускалось делать канавы с целью сливания воды на чужой участок, прислонять постройку к строениям соседа, проходить через чужой участок, прогонять через него скот и т.д. Плоды от яблони, растущей на границе двух усадеб, делились пополам. Появление на чужом наделе, в огороде домашнего скота и птицы, роя пчел не нарушало прав собственности на них владельцев, но обязывало хозяину возместить убыток. Пострадавший от потравы сосед загонял скот в свой хлев, а владелец скота выкупал его за плату, размер которой устанавливала община. Функционирование суда соседей также исходило из коллективных обязательств крестьян перед государством, так как, беспокоясь об исправности каждого крестьянского хозяйства, они вмешивались во внутренние дела любого односельчанина, но чаще всего соседа, состояние хозяйства которого было ему хорошо знакомо.

При осуществлении правосудия изучались различные доказательства, собранные в результате самостоятельного расследования по делу. Участники процесса обычно в публичной форме оглашали все имевшиеся по спорному вопросу факты, прибегая к различным способам обоснования правдивости своих слов. Глубокое знание крестьянами личных качеств участников процесса,

взаимоотношений односельчан, хорошей осведомленности о происшедшем, но, прежде всего, местных условий, порядков домашней жизни позволяли подробно изучить нюансы конфликта и придти к справедливому решению.

Значительно облегчало установление истины наличие вещественных, документальных свидетельств, подтверждавших тот или иной факт. Права родовой, семейной собственности подтверждали знаки собственности – «знамена», тамги, клейма, меты (м. *тяшкс*, э. *тешкс*). Меты на полевых загонах, на ушах домашних животных доказывали их принадлежность определенному владельцу. Знаки ставились на предметах движимой собственности и на полосках пахотной земли. Каждый домохозяин имел право избрать себе особый рисунок клейма. Например, такие рисунки: «бараньи рога да два глаза», «вилы да четыре глаза», «лопатка да четыре глаза», «заячьи уши да два глаза», «вилы да четыре глаза», «три глаза», «орлов хвост с тремя глазами». Клейма заменяли подписи и ставились на челобитных царю, на документах о межевании земель, на купчих крепостях, при передаче своих земель, на дарственных записях.

В денежных сделках у мордвы вместо расписок при отдаче взаймы использовались кусочки дерева – «жеребейки», на которых зубами надкусывали столько раз, сколько было дано сотен. В случае рассмотрения спора эти «жеребейки» приносили в доказательство заключения договора займа, подобно заемному письму или расписке. В качестве доказательств применялись счетные бирки, пастушечьи палки, палки сборщиков налогов, на которых в виде соответствующих нарезок наносились суммы долгов и недоимок. У мордвы издавна существовала оригинальная бирочная система фиксации цифровых знаков.

В процессе ведения дела большое значение уделялось общественной репутации участников. Репутация служила залогом правдивости сказанных слов. Важное значение общественного мнения четко осознавалось мирянами, в силу чего каждый старался поддерживать честь своего имени в народе. Социальное положение человека определялось репутацией рода и семьи, личным поведением, обладанием высокими нравственными качествами (умом, добротой, силой, трудолюбием, честностью и др.), владением трудовыми навыками, авторитетом в глазах каждого члена семьи, соседей, отношением к родителям и умершим предкам, участием в общественных работах, помочах. Мнение односельчан учитывалось как при непосредственно судебных разбирательствах, так и в целом в каждой жизненной ситуации – обретении друзей, выборе супружеской пары, трудовом сотрудничестве. О репутации можно было судить и по прозвищам, которые устойчиво сохранялись на протяжении долгого времени. В мордовских селах часто называли отдельные семьи по таким качествам правого характера – «честные», «воровские», «разбойничьи».

Исходя из социального положения того или иного участника спора, в качестве доказательств применяли устные показания очевидцев. Судьи были вправе задавать свидетелям интересующие их вопросы, чтобы максимально

убедиться в правдивости сказанного. В обычном праве мордвы устным сообщениям и данному слову придавалось огромное значение. В целом мордвина у других народов были известны как «честные люди», которым можно верить «на слово». Подтверждением этого положения является широко бытовавшее правило, которым руководствовались при подрядах и покупках земледельцы в восточных губерниях России: «с подгородными крестьянами и мещанами дела не иметь, татар обязывать строгими условиями на законных основаниях, а мордвину – верить на слово». Причем совершенные на словах соглашения соблюдались также строго, как и оформленные письменно. О значении слова в разрешении различных дел свидетельствуют многочисленные мордовские пословицы: «При уговоре берегись, а после не сердись», «При уговоре – словом, после делом», «Дело не под силу – не обещай», «Спешь в работе, но не спеши в уговоре», «Уговор дороже денег», «Договариваешься – берегись, а то дела коснешься – промахнешься». Среди символических актов, доказывавших принятие обязательств, значительное место занимает рукопожатие. Очевидцы рукопожатия вправе были давать свидетельства о наличии у сторон тех или иных договоренностей.

У мордвы считалось, что произнесенная публично ложь могла навлечь гнев не только со стороны мирян, но и божеств. Клеветничество, лжесвидетельство представлялись греховными деяниями. В домашних мордовских молениях к верховному богу Нишке-Пазу в ряду первых просьб звучало обращение уберечь от клеветников: «Пас, Вере Пас! Сохрани от колдуна и клеветника». Мордва верила, что в загробном мире «богато» живут лишь честные люди, а «бесчестно пожившие» горят в смоле. Считалось, что боги отворачивались от людей, которые своим поведением оскверняли их честь.

Уникальным гарантом правдивости произнесенного свидетельства, выразившегося в боязни разгневать богов, убеждении в неотвратимости их возмездия являлись клятвенные заверения. Большинство мордовских клятв имело древние языческие корни. Если русское население при спорах с мордвой давало судьям в «божью правду» клятву по «крестному целованию», то мордва – «по своей вере по мордовской», «по своей вере по шерти». Клятва мордвы «по своей вере» считалась одним из важнейших доказательств, подтверждавших истинность оспариваемого факта или события на судебном процессе.

В прошлом у мордвы практиковались и некоторые самобытные меры наказания. В легенде о мордовском царе Тюштяне рассказывается: «Мудро правил Тюштянь своим народом, не обижал зря никого. Только вот за воровство казнил сурово – на сухой осине воришек вешал. Беспольное, говорит, дерево – бесполезный и человек».

Другим способом восстановления справедливости у мордвы было физическое наказание. Согласно мордовским пословицам: «Виноватого всегда бьют», «Жил мокшанин в старину – только кнут свистел по нему». О возможности применения физического наказания повествуется и в других произведениях фольклора: «Колька, Колька, Николай, в сад воровать лезет,

яблок досыта поест, - кнутаком получит!», «Ходил-бродил по лесу, нашел свиную шею, на пеньке домик, в домике старушка, старушка печет блины. - Не смотри в окно, копьём ударю, из ружья убою».

В рамках семьи символом порядка и власти домохозяина считался кнут, знаменовавший возможность порки в случае нарушения домашних традиций. Любой провинившийся в чем-либо член семьи мог быть наказан кнутом. Кнут, как правило, не применялся, в семье жили дружно, без ссор, но в то же время, он служил гарантом соблюдения всех семейных традиций, послушания младших старшим, запрета сквернословия и недостойного поведения. Нередко, наказывая своих детей, родители вместо кнута использовали обыкновенный веник, которым стегали по телу и, в том числе, лицу. «Веник очень удобен. Когда им бьешь, вроде бы не очень больно от прутьев, но ребенок чувствует, что виноват и больше не перечит. Иногда от веника оставались небольшие следы, все другие дети смотрели на них и, тем самым, осознавали, что нужно всегда слушаться родителей». В семьях, как правило, наказание выражалось в словесном порицании.

Существовали и материальные формы наказания и, прежде всего, денежный штраф. Плата включала суммы по возмещению нанесенного ущерба, а также компенсацию за содеянное. В одном юмористическом произведении мордовского фольклора описывается, как за украденные огурцы воришка-ворона пытается договориться с хозяйкой о возмещении ущерба: «Чаки-паки Алена, пошла красть огурцы, хозяйка огурцов ее поймала. – Не бей меня кнотовищем (палкой), я все возмещу (уплачу): платок выменяю...».

В целом народный суд стремился воспитать виновного, направить его на истинный путь. В силу этого кульминацией разбирательства считалось искреннее раскаяние виновного, его признание в содеянном, желание устранить возникшие негативные последствия. Подлинное раскаяние смягчало наказание.